

Лу Чэнъе тут же набросал в голове план, чтобы втайне от Чжан Хана изучить обстоятельства жизни Чжао Сяолянъ за эти годы, а затем найти и использовать её самую большую слабость, отгоняя эту женщину так далеко от Чжан Хана, чтобы она никогда больше не смогла причинить ему вред. Неизвестно было ли это потому, что слепые люди были особенно чувствительны к чужим эмоциям, но, когда выражение лица Лу Чэнъе потемнело, незрячий парень, будто бы что-то почувствовав, тут же схватил его за запястье. Лу Чэнъе посмотрел на Чжан Хана и увидел, что выражение его лица стало несравненно серьёзным.

«Дахэй, - отчётливо сказал Чжан Хан, - ничего не делай. Я сам обо всем позабочусь».

Лу Чэнъе был смущён этим именем и несколько неловко спросил: «Почему ты вдруг назвал меня Дахэем?»

«Потому что я единственный, кто может так тебя называть. Я единственный, кто знает это», - сказал Хан Хан с улыбкой.

«Даже если ты называешь меня Дахэем, я всё равно не соглашусь, чтобы ты рисковал в одиночку», - поняв намерение Чжан Хана, Лу Чэнъе немедленно высказался против.

«Я не хочу быть бесполезным, - серьёзно сказал Чжан Хан. - В этом мире есть некоторые вещи, которые ты не можешь сделать за меня, независимо от того, насколько мы близки. Чжао Сяолянъ, она... Что бы она ни сделала, она остается моей матерью. Я должен встретиться с ней лицом к лицу, даже если она может причинить мне боль».

«Итак, ты хочешь сделать из меня бесполезного партнёра, беспомощно наблюдающего, как над тобой издеваются, и неспособного даже руку поднять, чтобы разобраться с другой стороной, - Лу Чэнъе был недоволен. - Хан Хан, ты не можешь постоянно быть добрым и наивным. Я знаю, что Чжао Сяолянъ использует ваше кровное родство для манипуляций, но ты не можешь оставаться привязанным к ней!»

Чжан Хан покачал головой, возражая: «Я не собираюсь потакать ей вечно. Чжао Сяолянъ, вероятно, за всю свою жизнь никогда не сталкивалась со страданиями. Хотя она родилась в небогатой семье из маленького города, она, насколько мне известно, была самым младшим и самым любимым ребёнком в семье. Её третий брат, мой третий дядя, чтобы помочь ей посещать среднюю школу, каждый день просыпался очень рано и делал тофу на продажу, просто чтобы заработать чуть больше денег для неё. Однако после свадьбы и смерти бабушки и дедушки она больше не общалась со своей семьёй. Мой отец тоже души в ней не чаял. Неважно по какой причине, но он серьёзно относился к их отношениям и хотел жить счастливой семейной жизнью. Чжан Цзяньго... Когда отношения между ними были хорошими, они, вероятно, были счастливы, иначе Чжао Сяолянъ не развелась бы с моим отцом ради него».

Чжан Хан вытянул руку и сжал кулак, словно принимая какое-то решение: «Я знаю, что это бессердечно, но за некоторые ошибки всегда кто-то должен выставить счёт. Лу Чэнъе, это мой последний каприз. Позволь мне сделать это самому, хорошо? Пока ты будешь рядом со мной, я буду в порядке».

Лу Чэнъе протянул обе руки и обхватил ими правую руку Чжан Хана. Он несколько беспомощно и снисходительно сказал: «Что ты имеешь в виду, говоря мне подобное... С момента нашей первой встречи и до сих пор ты никогда не был своевольным. Хан Хан, я надеюсь, что ты будешь таким, и я хочу, чтобы ты мог делать всё, что только захочешь. Не сомневайся, потому что я стою за тобой. Даже если что-то пойдет не так, я всегда помогу!»

Чжан Хан рассмеялся. Он прижался лбом к Лу Чэнъе и тихо сказал: «У тебя такой красивый голос. Ах, кажется, я опять оцениваю тебя, основываясь на физических характеристиках».

Лу Чэнъе гордо фыркнул. Он потёрся лбом о лоб Чжан Хана, напоминая большого и послушного чёрного пса, который кокетничает со своим хозяином, когда ему приглаживают шерсть.

Естественно, Чжао Сяолянъ не остановилась после первой попытки и вскоре позвонила снова. У Чжан Хана была хорошая память, и в следующий раз, когда его телефон проговорил номер входящего звонка, он уже знал, что это была его мать. Взяв мобильный в руки, он мгновение колебался, но в конце концов ответил.

«Хан Хан, как ты мог бросить трубку, когда позвонила твоя мама? Мне так грустно... ву-ву-ву...» - слышался плач Чжао Сяолянъ. После десяти лет разлуки она превратилась из высокомерной женщины в плаксивую, вероятно потому, что стала немного умнее, чем раньше.

Удивительно, но на этот раз он уже не боялся, и его сердце даже не дрогнуло при звуке её голоса. Чжан Хан обнял Лу Чэнъе второй рукой, и в его сердце царил непоколебимая уверенность. Он словно вернулся в те трудные годы, когда Дахэй сопровождал его и всегда был рядом. Где бы он ни был, пока Дахэй стоит на его стороне - он не будет одинок.

С Дахэем он мог без страха путешествовать по всему миру.

«Мама, я помню, что ты родила меня в возрасте 21 года. Мне сейчас 25, значит тебе уже 46. Очень неловко слышать, как 46-летняя женщина плачет, словно маленькая девочка. Мой слух очень чувствителен, поэтому, когда я слышу подобное, у меня болят уши. Если ты ещё раз так заплачешь, я брошу трубку», - спокойно сказал Чжан Хан.

Лу Чэнъе тихонько ухмыльнулся, услышав его слова. Похоже, ему не нужно было излишне волноваться о своём любимом.

На другой стороне Чжао Сяолянъ задохнулась и была вынуждена прекратить плакать. Она сказала: «Сынок, ты... ты уже совсем взрослый, но так груб со своей матерью. Надеюсь, ты не говоришь такие обидные слова всем людям в обществе...»

У Чжан Хана не хватило терпения продолжать этот бессмысленный разговор с ней, и он просто прямо спросил: «Сколько?»

Чжао Сяолянц оцепенела от его резкого тона и неловко сказала: «Сынок, что ты имеешь в виду...»

«Хватит быть со мной милой, - просто сказал Чжан Хан. Даже если бы у него был определённый план, он не собирался утруждать себя притворной вежливостью с Чжао Сяолянц. Он ответил, - разве ты звонишь мне не потому, что у тебя мало денег? Сколько тебе нужно? Или мне лучше сразу прямо сказать, сколько я могу тебе дать, чтобы ты больше никогда не побеспокоила меня?»

Если бы кто-то из посторонних услышал их разговор, возможно, он мог бы подумать, что Чжан Хан был беспощаден, но Лу Чэнц не собирался давать Чжао Сяолянц ни юаня. В любом случае, целью этой женщины, вероятно, были не просто деньги.

«Глупый ребёнок, как же мама может звонить тебе из-за денег? Мама просто скучает по тебе и хочет тебя увидеть», - хотя Чжан Хан был холоден, она все еще старалась говорить с ним ласковым тоном.

Увидев, что она не собиралась раскрывать ему свою настоящую цель, Чжан Хан потерял терпение и захотел решить этот вопрос как можно скорее, поэтому сказал: «В таком случае давай назначим время для встречи».

Чжао Сяолянц не ожидала, что он сразу же согласится, но она тут же назвала время и место для встречи.

Чжан Хан положил трубку и нахмурился. Он покачал головой и несколько устало обмяк в объятиях Лу Чэнц, а затем сказал: «Кажется, я догадываюсь, чего она хочет, и это так разочаровывает. Если бы она действительно просто хотела денег, и если бы эта сумма не была чрезмерной, я бы, наверное, просто дал ей эти деньги, чтобы она больше никогда не появлялась передо мной. К сожалению, похоже, она хочет слишком много».

«Она хочет получить и мои деньги тоже, - холодно сказал Лу Чэнц. - Если она сговорилась с другими людьми, чтобы убедить или как-то заставить тебя изменить моё завещание, то люди за кулисами наверняка снова возьмутся за работу. Заговорщики, вероятно, пообещали Чжао Сяолянц, что они отдадут ей часть моего наследства, но, к сожалению, она не понимает, что она обсуждает с тигром раздел его собственной шкуры». (*идиома, означающая, что она никогда не получит желаемое, потому что это идёт вразрез с интересами заговорщиков)

Услышав слова Лу Чэнц, молодой человек покачал головой. По большей части Лу Чэнц, вероятно, был прав, но о роли Чжао Сяолянц во всем этом деле они не должны были судить так поверхностно.

Чжан Хан неохотно встретился с Чжао Сяолянью. Он не мог увидеть лица матери, но всё же протянул руку и коснулся его. Неожиданно он почувствовал, что у неё нежная ухоженная кожа, совершенно не похожая на кожу сорокалетней женщины.

Осознав это, он внутренне вздрогнул. Поначалу Чжан Хан думал, что его мать будет жить в бедности, промотав все деньги, заработанные от продажи их дома.

Кто бы мог подумать, что все эти годы она будет жить хорошо?

Люди с жестоким сердцем, вероятно, всегда живут хорошо, несмотря ни на что.

Значит, я тоже должен быть безжалостным.

<http://bllate.org/book/13843/1221853>